

15 → Татьяна Долякова, основатель кадрового агентства Pro Personnel, считает, что снятие запрета на определенные профессии для женщины позитивно повлияет на ситуацию на рынке труда. «Теперь будут разрешены некоторые специальности, которыми женщины давно интересуются, и они явно могут работать наравне с мужчиной. Жительницы моногородов, где почти все доступные рабочие места могут быть на производстве, смогут туда устроиться и наравне с мужем кормить семью. Наблюдается отток рабочей силы в лице мигрантов, и женщины могут занять их места в некоторых отраслях», — перечисляет госпожа Долякова.

Тем не менее быстрого притока женщин в ранее запрещенные профессио-

нальные сферы она призывает не ждать: «Они годами не получали соответствующего образования и профессиональной подготовки. Сохраняться будут социальные и психологические стереотипы о „неженских“ работах, которые будут мешать и работодателям, и самим женщинам», — констатирует эксперт.

Профессор кафедры менеджмента РУДН Аузби Гусов, напротив, считает, что к существенным экономическим изменениям на рынке это не приведет, хотя и обогатит его новыми предложениями. «Способствуя развитию гендерного равенства и значительно расширяя права женщин в вопросах выбора профессии, данный документ в то же время сохраняет принципиальное ограничение для женщин в само-

стоятельном решении вопроса о выборе профессии и места работы. Данное событие в первую очередь носит социальный характер, способствуя развитию в России гендерного равенства, расширению социальных прав женщин в сфере труда, решая отчасти и экономические проблемы развития рынка труда. И в этой связи оно давно назрело, о чем свидетельствует целый ряд прошедших в России судебных дел о дискриминационных ограничениях для женщин в выборе профессии, отдельные из которых вышли даже на международный уровень», — говорит господин Гусов.

Многие в России достаточно скептически относятся к сокращению списка опасных профессий для женщин и незаслуженно выражают недоверие к женщинам,

которые работают, например, водителями фур или машинистами электропоездов, говорит Игорь Чеботнягин. По его мнению, такая точка зрения является архаичной и противоречит принципу равенства полов. Господин Чеботнягин считает, что сокращение списка запрещенных для женщин профессий позитивно скажется на состоянии рынка труда и усилит конкуренцию с увеличением количества потенциальных кандидатов на рабочие профессии, нехватка которых так остро ощущается в данный момент во многих секторах экономики. Помимо этого, расширение перечня простимулирует ставить улучшение условий труда в список приоритетных задач, так как это позволит выйти на совершенно новый рынок труда. ■

«ПУСТЬ ЭТО МНОГИХ И РАЗДРАЖАЕТ. НИЧЕГО, ПОТЕРПЯТ!» СЕГОДНЯ В ОБЩЕСТВЕ ВСЕ ЧАЩЕ ВОЗНИКАЮТ ДИСКУССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ФЕМИНИТИВАМ. МЫ ОБРАТИЛИСЬ К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ С ВОПРОСОМ: «НАСКОЛЬКО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФЕМИНИТИВОВ (НЕ ДОКТОР, А ДОКТОРКА, НЕ АВТОР, А АВТОРКА) ПОМОГАЕТ ПРЕОДОЛЕВАТЬ ПРОБЛЕМУ НЕРАВЕНСТВА ПОЛОВ В РФ?»

ИРИНА ДОБРОХОТОВА,
председатель совета директоров
«Бест-Новострой»:

— Тот факт, что женщина традиционно часто занимает одни должности, а мужчины — другие, есть норма, обусловленная огромным числом факторов, включая природные, поэтому жаловаться на какую-то непропорциональность здесь могут только те, кто комплексует из-за этого. Если женщина комплексует, что не стоит в одном ряду с мужчиной по уровню карьерных достижений, то весь смысл в том, чтобы из медсестры дорости до врача. Тогда логично было бы не просто иметь престижную квалификацию, но и называться представителем «мужской» профессии — это будет только подчеркивать величину достижения. «Я стала врачом» звучит куда убедительнее, чем «я не стала врачихой». Если бы использование феминитивов и помогало бы преодолевать какую-то проблему, то оно в любом случае создало бы новую, гораздо большую — проблему аудиовизуального восприятия информации, проще говоря, пополнение языка какими-то нелепыми, противоестественными неологизмами. «Врачиха» и «докторка» в отношении женщины — представителя профессии звучит оскорбительнее, чем название определенных профессий и всех представителей этой профессии словами мужского рода. Если тебе нечего себе доказывать, зачем уродовать родной язык? А если есть что доказывать, то разве уродование языка в этом поможет?

ОЛЬГА МАТАЛЫЦКАЯ,
директор управления рекламы,
PR и брендинга группы ЦДС:

— Трансформация языка — это естественный процесс, который происходит постоянно. Пока язык живой, он меняется. Дискуссия про феминитивы не нова для России. В нашей стране она ведется с конца XIX века, и до сих пор общество не выработало единую точку зрения на эти

изменения. Какие-то слова приживаются, например, «учительница», «писательница», «поэтесса», а другие, такие как «авиатриса», «архитектриса», «инспектриса», канули в Лету. Некоторые слова сохранились, но имеют функцию просторечных, даже оскорбительных, например, «директриса», «врачиха». На мой взгляд, в данном вопросе нужно подходить к изменению литературной нормы осторожно, внося в словари только прижившиеся в культурной речи слова. Искусственное насаждение словесных конструкций, распространенное в первые десятилетия существования Советского Союза, оказалось неуспешным. Я не думаю, что русскому языку требуются новые насильственные трансформации. Это не приведет к радикальным изменениям в жизни общества, что мы уже видели на историческом примере.

ГАЛИНА АЛЬТМАН,
управляющий директор AltAcademia:

— Помогает! Использование феминитивов само по себе привлекает внимание к проблеме дискриминации женщин и «патриархальным» моделям, устаревшим еще век назад. Пусть это многих и раздражает. Ничего, потерпят! Прогрессу всегда необходимо преодолеть сопротивление невежества — и в науке, и в технологиях, и в социальных моделях. Люди привыкают к тому, что женщина «тоже человек», а не самка — приложение к мужчине, и для нее есть место и отдельное название в профессии. Она не «тоже занимается творчеством», а полноценный творец, ученый, инженер. Я сама режиссерка, композиторка, и мне очень нравится себя так называть. Когда кто-то применяет ко мне название моих профессий в мужском роде — например «композитор» — у меня с этим ассоциируется исключительно патриархальная иерархия, которая существует до сих пор, и попытка насильно втолкнуть меня в чужую среду и систему ценностей. Типа комплимента «Молодец,

играешь, как мужик!» от моего бывшего профессора. Пора перестать кастрировать женские амбиции, способности и возможности, в том числе называя женщину в профессии мужским «именем».

ИРИНА ФАТЬЯНОВА,
глава Штаба Алексея Навального в Петербурге:

— Мне кажется, что для однозначного и объективного ответа на этот вопрос должно пройти время. Если говорить о моем мнении, то существуют профессии, которые исторически в большей степени характерны для мужчин, в том числе в политике. Если мы используем слова «журналистка», «уборщица», то почему для других не может быть подобных вариаций? Мне кажется, это важно для восприятия. В публикациях штаба мы стали некоторое время назад использовать феминитивы, что вызвало много критики, многие даже не обращали внимания на ролик или пост. Сейчас мы продолжаем делать так же, но комментарии такого рода стало намного меньше. Мне кажется, в этом и суть: люди привыкают.

ТАТЬЯНА ФИЛИМОНОВА,
директор по маркетингу СДМ-банка:

— Я уверена, что проблема неравенства полов намного глубже, чем простое отсутствие феминитивов. Сейчас очень остро стоят вопросы с домашним насилием, харассментом на работе, объективным неравенством при подборе персонала и заниженной оплатой труда. Именно эти проблемы нужно решать и именно эти вопросы являются яркими маркерами неравенства полов не только в РФ, но и во всем мире.

Пытаться справиться с такими серьезными болевыми точками, лишь заменив названия профессий, — это подмена понятий. Необходимо изменить мышление. Так что, перефразируя Михаила Булгакова, проблема не в феминитивах, «проблема в головах».

ФАРИДА ВАЛУЕВА,
исполнительный директор
компании Creditter:

— Проблема неравенства полов действительно все еще существует. Например, я — один из примеров женщины в бизнесе, и я считаю, что слабый пол во многом даже сильнее мужчин. Но моя должность при этом звучит как «исполнительный директор».

Если говорить о феминитивах, то я считаю, что это было бы справедливо. Может, проблему полностью это и не решит, но точно добавит этой самой справедливости. Есть профессии, которые мужчины осваивают эффективнее, но в некоторых женщины объективно лучше. В таких случаях внести ясность было бы правильно. Единственная сложность — придумать, как это сделать элегантно и оригинально. Скажу честно, не все предлагаемые сегодня феминитивы радуют своим звучанием.

ЕЛЕНА ЛАШКОВА,
генеральный директор группы компаний
«Геоизол»:

— На мой взгляд, использование феминитивов не только никак не помогает решить проблему неравенства полов, а напротив, еще больше ее создает. Мужской род в наименовании профессии или должности говорит не о половой, а о профессиональной принадлежности ее представителя. Профессии, изначально возникшие как мужские, носят маскулинный флер, совокупность поведенческих паттернов, и в этом я не вижу ничего плохого, тем более унижительного. Более того, женский род чаще всего носит негативный оттенок. Например, я директор компании, что звучит серьезно и убедительно. Используем симметрию женского рода — и получим пренебрежительно ассоциативный феминитив. Так что есть правила, и незачем их менять. Есть чем заняться, кроме филологических проблем. → 21